

**Отзыв официального оппонента
доктора социологических наук, профессора М. Ю. Смирнова
на диссертацию Дмитрия Олеговича Фурцева
«Возникновение и развитие систем пищевых запретов
в авраамических религиях (сравнительный анализ)»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук по специальности
09.00.14 – Философия религии и религиоведение**

Знакомство с диссертацией Д. О. Фурцева даёт мне основания для следующей характеристики содержания и выводов этой работы, руководствуясь указаниями п. 3.8. Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

1. Актуальность избранной темы. Следует согласиться с авторской аргументацией (с. 3–4) научной и практической актуальности исследования феномена пищевых запретов, выработанных в истории и существующих в современном обиходе религий, рассмотренных в диссертации.

Прежде всего, этот феномен связан с проблемой религиозной идентичности. В условиях диффузии религиозного сознания под влиянием секуляризации и мировоззренческого плюрализма эта проблема приобрела ключевой смысл для перспектив религиозных институтов.

За длительную историю существования авраамических религий сформировались столь сложноустроенные вероучительные системы, что их освоение для последователей этих религий оказывается крайне трудным делом, специальным занятием, на которое у подавляющего большинства верующих нет ни возможностей, ни потребностей – настолько доктринальные положения и их теологические трактовки оказываются далеки от повседневной жизни иудаистов, христиан и мусульман.

В то же время, конкретная конфессиональная идентичность по-прежнему остается востребованной, как один из факторов жизненной стабильности религиозных людей в ситуациях нарастающей неопределённости от разного рода угроз природного и социального

происхождения. Нынешняя глобальная пандемия усилила эту востребованность, побуждая к более тщательному предохранительному режиму повседневных социальных практик, для чего опыт религиозных норм, включая пищевые запреты и предписания, используется верующими как проверенный временем, наиболее доступный и понятный, в сравнении с теологической риторикой.

Данная востребованность, артикулированная как устойчивый спрос на соответствующие продукты и услуги, отразилась на экономической сфере общества, стимулировав развитие конфессионально ориентированной пищевой индустрии. Интерес к кухне народов мира, в том числе к кошерной и халяльной продукции, поддерживается и туристической отраслью экономики.

Остроту теме религиозных пищевых норм придаёт динамика современных миграционных процессов, в результате которых происходит заметное изменение состава населения многих государств и возникают сложности во взаимоотношениях между носителями различных религиозно-бытовых стереотипов, вплоть до формирования так называемых «параллельных» сообществ как обособленных субкультур в среде основного общества принимающих стран.

Все названные обстоятельства подтверждают актуальность темы, избранной диссертантом для научного исследования

2. Степень обоснованности научных положений выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Материал диссертации содержит обширную фактографию пищевых традиций в авраамических религиях, вплоть до детального освещения конкретных пищевых практик. Но, по существу, этот труд не тождественен разработкам наук о питании, нутрициологии и диетологии. Структура и содержание работы свидетельствуют о философско-религиоведческом характере исследования.

В первой главе «Взаимосвязь истории иудаизма, христианства и ислама и отражение этой взаимосвязи в их нормативных системах» диссертант строит изложение по классическому философскому алгоритму движения от *всеобщего* (обзор и анализ нормативных систем социальных общностей, с. 19–24) к *общему* (история пищевых норм в системах религиозных верований, с. 24–32) и далее переходит к *особенному* (развитие пищевых норм в истории авраамических религий, с. 32–44).

Вторая глава «Место пищевых норм в нормативных системах авраамических религий» раскрывает основной спектр регламентации пищевых практик в исследуемом религиозном пространстве: (1) пищевые запреты (на мясо, рыбу и морепродукты, с. 45–64); (2) нормированное потребление (алкогольные напитки, с. 65–77); (3) посты (как религиозно мотивированные временные пищевые запреты, с. 77–110). Каждая из этих позиций рассмотрена последовательно применительно к иудаизму, христианству, исламу.

Уместным дополнением к исследованию является Приложение (с. 131–137), содержащее две компаративные таблицы (составлены диссертантом по: *Armanios F., Ergene B. Halal Food: A History. New York: Oxford University Press, 2018*): Таблица 1. Сравнение пищевых запретов и рекомендаций в иудаизме, христианстве и исламе; Таблица 2. Сравнение пищевых запретов и рекомендаций в суннитских мазхабах.

Как представляется оппоненту, лейтмотив авторских выводов состоит в подтверждении и дополнительной аргументации и без того не вызывающего сомнений наличия у религии регулирующей функции, проявляющейся в сферах социальных отношений и морали.

По этой причине некоторые положения и выводы оказываются либо самоочевидными для религиоведческого дискурса, либо прежде уже обоснованными в исследовательской литературе, а автор лишь воспроизводит их в собственной стилистической манере. Отсюда следует ряд замечаний оппонента к диссертации.

Например, не являются новизной и не нуждаются в доказательстве такие тезисы автора, изложенные среди выводов в Заключении, как:

«... – авраамические религии имеют своеобразную систему пищевых запретов, которая позволяет адептам идентифицироваться с собственной религиозной общиной;

– пищевые нормы сохраняются и в наше время, что говорит об их важности для религиозной общины как способа изменения жизни неопита и осознания себя верующим и разграничения с другими религиозными общинами современного мира» (с. 114).

Представляется сомнительной и формулировка такого вывода, как: *«христианство и ислам, сформировавшись под влиянием иудаизма, на начальном этапе своего развития значительно упростили его пищевые нормы, делая новую религию более привлекательной для представителей других религий» (с. 113).* Смысл этого авторского высказывания понятен, но выражен он не лучшим образом – звучит так, что христианство и ислам изначально не имели своих пищевых норм, взяли их из иудаизма и для привлекательности каким-то неназванным «представителям других религий» стали упрощать. Возникают также вопросы: а христианские пищевые нормы на ислам влияли? или же ислам брал такие нормы только из иудаизма?

Добавлю ещё пару замечаний. Во-первых, автором заявлено, что *«Предмет данного исследования – пищевые нормы в авраамических религиях – их происхождение, становление, развитие и значение» (с. 14).* В то же время в названии диссертации значится: *«Возникновение и развитие систем пищевых запретов...».* Очевидно, что формулировка предмета исследования точнее, чем название диссертации, поскольку не все пищевые нормы носят запретительный характер, а могут быть предписывающими или рекомендующими, что, собственно, в диссертации и отражено. Во-вторых, автор, к сожалению, игнорировал классический научный труд, тематически сопряжённый с проблематикой диссертации, а именно – работу П. А. Сорокина «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей,

социальную организацию и общественную жизнь»; использование этой работы усилило бы методологию исследования.

По всей видимости, недостатки, вызывающие замечания, обусловлены глубоким погружением диссертанта в конкретную фактографию исследуемой темы, когда за массивом материала порой утрачивается точность обобщающих суждений и выводов.

В то же время, достоинством работы Д. О. Фурцева является умелое выявление пищевого нормирования в рамках регулирующей функции религии, которое рассматривается как своего рода инструмент осуществления этой функции. Как справедливо сказано в одной из формулировок диссертации: *«Поскольку религиозные ритуалы, частью которых являются действия людей в соответствии с пищевым нормированием, показали себя эффективным методом обеспечения социального контроля и интеграции, пищевые запреты включены в эти религии, а их устранение почти всегда оборачивалось установлением новых пищевых запретов»* (с. 16). Также и в заключительных выводах обоснованно констатируется: *«Если религия служила регулятором общественных процессов, то регулятором внутри самой религии служили и пищевые табу, а, значит, напрямую или опосредованно пищевые табу способствовали социальному контролю»* (с. 111).

Можно согласиться и с выводом о том, что *«с развитием общины происходил процесс увеличения пищевых предписаний для верующих, что должно было усилить как сплочение общины, так и разграничение с другими религиями»* (с. 113).

Таким образом, отмеченные недостатки не влияют на положительное впечатление от исследования Д. О. Фурцева, вполне подтвердившего диссертацией свою религиоведческую эрудицию, уверенное владение материалом, способность к продуктивной научной аналитике.

3. Достоверность и новизна положений и выводов диссертации. В соответствии с поставленной целью исследования (с. 14) диссертанту удалось достоверно выявить причины возникновения и эволюции пищевого нормирования в авраамических религиях, установить в результате сравнительного анализа значения, сходства и различия постоянных и временных пищевых предписаний в данных религиях.

К исследовательской новизне диссертации можно отнести выявление зависимости конкретных религиозных пищевых запретов и предписаний от социальных, исторических и географических условий; раскрытие связи пищевого нормирования с религиозными ритуалами; выяснение влияния пищевых запретов иудаизма на формирование пищевого нормирования в христианстве, а также – влияния пищевых норм иудаизма и христианства на формирование пищевых предписаний и запретов в исламе.

Диссертация Дмитрия Олеговича Фурцева «Возникновение и развитие систем пищевых запретов в авраамических религиях (сравнительный анализ)» является самостоятельным трудом, она актуальна для религиоведения, её научные положения и результаты получили квалифицированное авторское обоснование и содержат исследовательскую новизну, являясь личным вкладом диссертанта в науку.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.14 – «Философия религии и религиоведение» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова; диссертация оформлена, согласно приложениям № 5 и № 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Соискатель Дмитрий Олегович Фурцев заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.14 – Философия религии и религиоведение (философские науки).

Официальный оппонент:

доктор социологических наук,
профессор по специальности «Философия религии и религиоведение»,
заведующий кафедрой философии
факультета философии, культурологии и искусства ГАОУ ВО ЛО
«Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Смирнов Михаил Юрьевич

Скрыто

(подпись; дата)

2.09.2021

Контактные данные:

тел.: +7(921)4054340, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Адрес места работы:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10,
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», кафедра философии.
Тел.: 8-812-451-98-43; e-mail: kaffilosof@lengu.ru

Подпись *Смирнова М. Ю.* заверяю.
Ученый секретарь ЛГУ им. А.С. Пушкина Поздеева
02.09.2021 года

Скрыто

